

Маханова

Ульяна

Вячеславовна

г. Москва

3 класс

Рег. № 2537

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ школы _____

51541

Щадро, Хвостов, 55 бакин.

Анализ рассказа К. Паустовского "Старая рукопись"

Зачем человеку исследовать космос? В чём смысл всех полётов, взоров, обращённых в нешироту бесконечного пространства?

Смысл - в поисках волею ~~в~~ разума? Отчасти. Человеку, познавшему, как ему кажется, всё доступное, смерно в обществе к себе. Ему нужно что-то Запредельное, чуждое.

Смысл - в попытках приблизиться далёкое? Возможно. Космос непосредствен и отчасти далёк даже этим.

~~Космос~~ Космос мёртв.

И любые попытки его приблизить, познать или предугадать ему зелёно-оранжевых инопланетян с десятью глазами и одной короткой ногой - это попытки, так или иначе космос оживить.

Рассказ Константина Паустовского "Старая рукопись" построен на ~~таком~~ контрасте живого и мёртвого. Разумеется, чёткого отграничения одного от другого в тексте нет - но контраст явен и резок.

Почему "Старая рукопись"? Буквально, рукопись - то, во что свел неповторимый впаду ввёс ~~человек~~ человек, переписывавший и не прост

51541

писавший её. А рукопись, да ещё и стёртая, это, говоря образно о сцене Земли, на которой запечатлѣн весь труд человеческий, всё человеческое влияние.

По своей структуре произведение разделено на две части — и вторая (сам «старый рассказ») разрывает первую. Первая часть наполняется как будто бы комментарием некоего лирического «я» (как видно из текста, автора самого рассказа).

Рассмотрение и анализ текста стоит какать со второй, «основной» части, отсылка, по мере необходимости, к комментарию.

Главный герой — лётчик-космонавт. Все события происходит с ним сначала в космосе, затем на Земле.

В первом же предложении — словосочетание «мирное пространство», в которое лётчик почему-то брешет. Не отправлен, а именно брешет. Потому, наверное, что он там совсем один. Каждый с мирным пространством — это звучит пугающе, но именно торжественно.

Эта идея находит отражение в мыслях само-

го героя — он рад (если «хорошо» считать отражением радости, а не просто удовлетворением) тому, что он «совершенно один», что «во всём этом великом пространстве» он первый.

Несмотря на то, что в предшествующем этом словам абзаце космонавт ~~уже~~ доволен тем, что рад он один, но и переживает ему каюды лишь за свою жизнь; мысль «я первый» придёт из размышления оттенка той самой торжественности.

И всё было бы просто в этой идее, но дальнейшие рассуждения подмечают, что «думая так, он (космонавт) обманывал самого себя». «Но» в этом обмане заключается в том, что никто никогда не узнает, кто он звал в последнее мгновение.

А звал он мобилу, приоснувшись к нему «тёмной тёмной ладонью». Мобилу, «милую пелушку», которую он (казалось бы!) «давно забыл». И вот она тут, рядом, пусть невидимая и невесомая, но она с ним.

Почему он кричит? Может быть, он хочет, чтобы это знали? Знает, конечно, что перед смертью человек зовёт тех, кого любит. Если бы эти мобилы ни были, они занимают все мысли, чувства,

ощущения, ты чувствуешь их ладошки, дыхание, слышишь успокаивающий шепот. Поэтому ~~ты~~ кто любит, умирают спокойнее.

В мыслях и воспоминаниях — их поддержка.

А поддержка — это именно то, что необходимо космонавту в «бесконечном пространстве».

Оторванный от Земли, он представлен шепелькому космическому холоду. Разбушевавшись вообразившему этот холод запросто представляется атакой Чёрной Космической Смертью (непрерывно с косой, мерцающей холодным звёздным светом), гонимой за ракетой и желающей поглотить то тепло, что осталось в кабине.

Звёзды с косой Смерти напоминают летящую «чужеродно приоткрытые глаза». Почему? А ведь бывает так, — дома или на улице, — чувствуешь вдруг на себе чей-то пронизывающий взгляд, даже трудно становится. Оглядываешься — влево, вправо, назад, вверх — везде посмотрим. А никого нет. Только солнце подмигивает проплывающими облаками.

Может, это солнце смотрит на нас в такие мгновения?

Говоря о солнце, нельзя не обратить внимания

на то, что в разных ситуациях оно упоминается по-разному. Формулировка не самая удачная, но точнее и не скажем.

«Солнце» с большой буквы (свет, «солнца стал ярче») — это холодная ~~и~~ недосыпаемая звезда в бесконечном чёрном космосе. «солнце» с маленькой буквы («каменные дороги блестящие от солнца», «солнце катало. клониться к закату») — ~~то~~ ^{что-то} родное, тёплое, земное.

Земля, как и солнце, упоминается как «Земля» и «земля». Здесь всё несколько прозаичнее — «Земля» как планета; и «земля» как то, что можно потрогать, почувствовать, понюхать, канючить. Земля как таковая, в противовес космосу, есть жизнь. Земля для космонавта — это «дом», где как-то уютнее и где ~~наблюдать~~ ^{наблюдать} природу.

Вот тут стоит обратиться к описанию Земли в «каминатории». «Сияла огромной сияющей сферой», «наполнилась полукругом прозрачного сапфира», «радужное сияние», и «цвет... походил на голубизну южных бодрых пространств».

Красиво, но странно. Земля — это правда, цветы, чертобы, в крайнем случае. А тут?

Здесь, скорее, и Земля должна не Зелёной называться, а Водой. Почему так? Вода - символ жизни. Отсюда символом жизни становится и Земля.

В особенности на фоне чёткого мирового пространства.

Обращаясь к этому самому пространству. В «комментарии» есть слова и о нём. Рассказчик вспоминает Фета и строки из его стихотворений. «Слова поэта как бы вплотную приближают космос к нашему человеческому, земному, восприятию», - говорит он.

А космос от человеческого сознания упорно продолжает ускользать. «Абсурд», - усмехается лётчик, надевая часы. Время абсурдно в бесконечности, вечности космоса. Зачем оно там? Оно необходимо лишь людям.

Люди придумали время, чтобы не сойти с ума от бесконечного течения жизни со всеми её взлётами и падениями.

Взлёты и падения, не заканчиваясь в тесные рамки человеческого сознания, не упорядоченные, рано или поздно мима^mт разум любого.

«Бессмертие» приравнивается к «неизмеримому количеству» у нас Шекспира. Это действительно мучительно. И ~~кто~~ он ищет бы, творит

~~и~~ их, и мы, читатели, были бы разочарованы последними прощедениями, вытекающими тонкими струйками таланта, как сок из выжатого лимона.

Бессмертие характеризуется как «величайшая пытка» и «величайшее несчастье» для человека. Космосу это бессмертие не доставляет особых неудобств, и можно догадаться, почему.

«Есть только движение». Вечное. Бесконечное. Цикл движения - покой. А вечный покой равно вечному покою. А вечный покой есть смерть.

Эта же мысль приходит в голову и лётчику и находит отражение в идее «спокойствие - это смерть».

Вот и ответ на внешне поставленный вопрос. К чему бессмертие, если уже мёртв? ~~И~~ ^И если уже мёртв, то отчего не наслаждаться величием вечной смерти?

Космонавт все ещё окружён мировым пространством.

Оупение ищет звуки. А все Земле лётчик услышит «запах разороченной ударом земли» и «шум солнечного света». Почему головы чувств не соответствуют ощущаемому?

Космос не имеет запаха, не имеет цвета, Космос нем. А Земля - это единение всего, что только может почувствовать человек, и потому "на милой Земле" запах можно услышать, и солнечный свет будет видеть.

"Милая Земля" упрямится пётишкой, как то ~~милее~~, где ~~не~~ так страшно расстаться с жизнью. "Умереть на милой Земле" - звучит, в общем, не так уж мрачно.

Но вот космонавт возвращается на Землю. И ~~пусть~~ этот не менее страшен, чем сам космос.

И пётишка качивает петь, хотя знает, что это делать нельзя. Почему нельзя? Потому, вероятно, что в силу опять выступают человеческие рамки, границы дозволенного, за которые петь в ракете, очевидно, выходит.

Приземлившись, космонавт покидает кабину. Гелена выходит "Гелена" потому, что она ~~всегда~~ обещает все - как нечто мизантропное и зыбкое.

Где он? В "кустах амурского цветущего боярышника", рядом с морем. Море - опять вода, опять слышен шум. А боярышник здесь является оправавшими чело - то просто, ~~просто~~

кто, как и ранее упомянутые запах укропа, настоты ромашки и лаванды, появляющаяся позже петрушка. Не стоит забывать, говоря о простом, что сам Юрий Гагарин, упоминаемая раскаянкой, был простым деревенским парнем.

На Земле космонавт вдруг начинает плакать. Здесь примечательно ещё и то, что к горлу его ~~вырывается~~ подкатывает маленький пелуконый ком - это отсылка к более раннему сравнению человека и планеты, равно смертных, равно митомных перед лицом вечного космоса.

Итак, он плакал и думает, что имеет на это право! Почему только думает? Но ~~то~~ не привычные, по которым нельзя ему было петь - правила, рамки, пределы которых он, прикоснувшись к безграничному космосу, покидает.

А вот девочка, встретившая его, очевидно, имеет право на то, чтобы плакать. Она даже не вытирает слёз. Она "обыкновенная летательная девочка", земная, и ей это позволено.

Что же видит пётишка в сияющих от слёз девчачьих глазах? Похурь, чистую и чистую туманную, ромашечную великую безветренную

ной благословенной страны; нежность и прощальность Земли; страх за его жизнь — тут она приближена к космонавту, который переживает за жизнь второго пилота; и любовь, равно по робости и невинности любви простого горного цветка.

«Оттуда» — говорит девочка, подтверждает лётчик. Чёткое разграничение — есть «там» и есть «здесь», не нужно никаких уточнений, это ясно любому.

Девочка для космонавта — отражение земли, радости, жизни, как дети, играющие в скакалку.

Рассказчик завершает свою мысль в «комментарии», когда говорит, чем восхищается. Возникает прежде не звучавший мотив родной страны.

В глазах рассказчика стража так неважна, как сама жизнь, так не мужественна, как только может быть мужествен человек, и так не по-двиглива нежна, как Земля.

Если кратко сводить воедино все прозвучавшие идеи, рассказ Константина Паустовского о том, что жизнь и смерть идут рядом, за

меняет смерть сильна великим покоем и колдовскими мерцающими огнями, а жизнь сильна способностью сопротивляться смерти, сильна яркими красками земного существования и мужественностью двенадцатилетних девочек, помогающих разбившимся лётчикам.

Как писал в своём последнем письме Роберт Фробишер из романа «Облачный Атлас» — «такие излучения определённости утешают ~~меня~~ меня».

Работа демонстрирует достаточно чёткое понимание задачи рассказа и выделение слов. Но в ней довольно много речевых недочётов и нет стремления к помощи анализа.

Зураб
В.В.В.

1. 20б.

2. 18б.

3. 6б.

4. 8б.

5б. 3б.

Σ 55б.